

ОТЗЫВ

официального оппонента

доктора философских наук, профессора Козьяковой Марии Ивановны

на диссертацию Деникина Антона Анатолиевича на тему

«ПОСТЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ» КОММУНИКАЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ И МЕДИЙНЫХ ПРАКТИКАХ

представленную к защите на соискание ученой степени доктора культурологии по научной специальности

5.10.1. — Теория и история культуры, искусства (культурология)

Предложенная А.А. Деникиным тема исследования «"Постчеловеческие" коммуникации в художественных и медийных практиках» представляется весьма актуальной, поскольку нацелена на анализ современной, достаточно острой проблематики. В результате коммуникативной революции конца XX- начала XXI века коммуникация перестает быть просто инструментом передачи информации и превращается в фундаментальную основу существования современного общества. Стремительное развитие цифровых технологий, появление искусственного интеллекта и глобальных медиа радикально трансформируют структуры человеческого бытия и социальных институтов, размывая и стирая границы между реальным и виртуальными мирами. Тотальная медиатизация жизненного пространства, при которой виртуальные сетевые коммуникации начинают замещать и переформатировать традиционные формы идентичности, межличностного взаимодействия и социализации, становится триггером для исследования принципов функционирования современного сетевого общества, происходящих в нем медийных инверсий. Изменение способов самоидентификации человека в глобальном информационном пространстве, радикальные перемены в характере мышления и отношения человека к окружающему миру ставят под вопрос классические механизмы понимания, интерпретации и передачи знания. Требуется осмысление новых форм идентичности, конструируемых в пространстве сетевых коммуникаций, процесса их генерации, приводящие, в том числе, к новым антропологическим дискурсам.

Из всего многообразия коммуникационного спектра автор выбирает так называемые «постчеловеческие» коммуникации как новые модели информационного взаимодействия, в котором человек перестает быть единственным, центральным или обязательным субъектом общения. Выбор этого вектора исследования может считаться правомерным, поскольку «постчеловеческие» коммуникации, как перспективные коммуникативные паттерны современных медиа, во многих теоретических концептах предстают как экспликат постгуманизма, отвечая тенденции пристального внимания современных исследователей к «антиантропологическому», постгуманитарному повороту в современных исследованиях. Важным аспектом, актуализирующим данную работу, является рассмотрение имплементации «постчеловеческих» коммуникаций в художественные и медийные практики, что позволяет онтологизировать новые коммуникативные паттерны, поскольку именно в этой сфере теоретически смоделированные конфигурации интерсубъективной связи находят свое прямое материальное и образное воплощение, превращаясь из формата дискурсивной модели в нерепрезентативную реальность социального взаимодействия.

Теоретическая значимость и новизна диссертационного исследования определяется, в первую очередь, самой постановкой проблемы «постчеловеческих» коммуникаций,

рассмотренных как в ракурсе философско-культурологического дискурса в контексте постгуманистической философии, так и в способах объективации «постчеловеческих» коммуникаций в художественных и медийных практиках, анализа их влияния на человека и его жизненную среду. Следует согласиться с автором, что в отечественном научном дискурсе проблема «постчеловеческих» коммуникаций до настоящего времени не становилась объектом специального философско-культурологического анализа С. 7.

Несомненная научная новизна и теоретическая значимость исследования заключаются в том, что впервые в отечественной науке был целостно и системно реализован культурологический подход к анализу данного объекта. Диссертация в определенной степени закрывает исследовательскую лауну, образовавшуюся вследствие отсутствия, либо недостаточности разработанных подходов к комплексному анализу феномена «постчеловеческих» коммуникаций, рассматриваемого вплоть до сегодняшнего дня фрагментарно, в отдельных аспектах. В работе данный феномен раскрыт как целостная, эволюционирующая система, как сложно-соотнесенный комплекс, рассмотренный, в первую очередь, в своих теоретических истоках. Стремясь онтологизировать проектируемые коммуникативные связи, автор эксплицирует их как имманентно присущих логике развития информационного общества.

Эвристический потенциал исследования существенно расширяется за счет создания объемной, стереоскопической картины объективации «постчеловеческих» коммуникаций в современных художественных и медийных моделях, где нашел отражение эстетический, аксиологический, медийный ракурс исследования. В диссертации комплексно и детально проанализирован процесс отражения и творческой трансформации в искусстве и медиа гипотетических аффордансов теоретических дискурсов, превращение их из абстрактной философической темы в осязаемый эстетический опыт.

Новизна проблематики, неординарность подхода к решению поставленных задач дополняется новизной и богатством привлеченного материала, количеством источников, касается ли это рассмотрения теоретических и методологических оснований «постчеловеческих» коммуникаций или их объективации в арт-практиках и медиапроектах. Библиографический список диссертации содержит 534 наименования, большая часть из которых, а именно, 351 произведение представлено на английском языке. Таким образом, к теоретическому достоинству работы может быть отнесено введение в научный оборот широкого спектра англоязычных материалов. Кроме того, теоретической значимостью обладает и сам метод моделирования системного порядка, использованный в работе: в нем учитывается философско-культурологический контекст, сочетается научный теоретический дискурс и профессиональная художественная практика. Работа соискателя отвечает важной тенденции в современной культурологии – практикам моделирования и типологизации социокультурных процессов в контексте их философско-культурологического анализа.

Методологическая база исследования носит комплексный, междисциплинарный характер, что соответствует заявленным целям. В своей работе автор опирался на теоретический опыт изучения феномена коммуникации, используя экологическую и реляционную методологии, философию критического постгуманизма и нового материализма. Телесно-ориентированный подход позволил проанализировать аффективные процессы в художественной и медийной сферах. Изучение теоретических и эмпирических источников потребовало применения дескриптивного и компаративистского методов. Для сравнительного анализа современных философских течений (так наз. «нечеловеческий поворот») и раскрытия смыслов в текстах о постчеловеческих взаимодействиях привлекался интерпретативно-

аналитический метод. Анализ артефактов строился на экспликации, сопоставительно-типологическом и сравнительно-историческом методах.

Структура диссертации характеризуется продуманной логикой изложения материала, последовательностью постановки и решения задач, определяемых основной целью. Она имела двойственный характер: с одной стороны, необходимо было выявить модели «постчеловеческой» коммуникации на основе критического осмысления и типологизации постгуманистических познавательных подходов, теорий и концепций, с другой – рассмотреть способы осуществления постчеловеческих коммуникаций в художественных и медийных практиках, оценить их влияние на человека и его жизненную среду С. 15.

Во **Введении** соискатель корректно обозначает объект, предмет и цель исследования, формулирует задачи, задающие четкий ракурс рассмотрения заявленной в работе научной проблемы. Также здесь сформулированы актуальность и степень научной разработанности избранной темы, теоретические и методологические основания исследования, его новизна, теоретическая и практическая значимость. С ними коррелируют выносимые на защиту положения. Замысел автора раскрывается в пяти главах, где первая глава носит теоретический характер.

Первая глава «Постчеловеческая коммуникативистика как область философско-культурологического научного дискурса: теоретические и методологические основания» посвящена раскрытию базовых установок и основополагающих подходов для исследования феномена постчеловеческой коммуникации. Дается определение постчеловеческим коммуникациям, прослеживается их генезис, понятийный аппарат, связь с современными культурными тенденциями, приводятся методологические основания их анализа. На основе анализа дискурсивной специфики современных философских течений – трансгуманизма, теории спекулятивного реализма, объектно-ориентированной онтологии, постгуманизма, машинно-телесного и политико-критического дискурсов, экокритицизма и экологического феминизма выявляются способы и методы коммуникации, отвечающие концептуальному содержанию каждого из этих направлений (подпараграфы 1.1.1. – 1.1.5.).

Автор делает вывод о назревшей необходимости «в пересмотре традиционных моделей коммуникации и утверждении альтернативных постчеловеческих моделей для описания и объяснения сложных процессов передачи информации между человеком и нечеловеческими объектами, природными силами и процессами» С. 48, а также предлагает введение нового направления философско-культурологических исследований – «постчеловеческой коммуникативистики», определяет при этом ее содержание, понятийный аппарат, рассматривает методологические основания анализа постчеловеческих коммуникаций.

Действительно, мейнстримом современной западной гуманитарной науки является «антиантропологический», «постгуманистический» поворот, отказ от антропоцентризма, где человек — главный творец, актор и наблюдатель окружающего его мира. Постгуманизм представлен широким спектром идей и концептов, от трансгуманизма и техноапгрейда до экологизма и репрезентации локальных концептов. В постмодернистских дискурсах у Ф. Гваттари, Ж. Делёза, Ж. Лакана, Р. Барта, М. Фуко и др. получают распространения концепты «смерти автора», «смерти субъекта», «смерти человека». Многоролевое поведение индивида, репродуцирование множественных «я», соответствующих различным социальным ситуациям, неявность наличных границ генерирует концепцию гибкой, текучей идентичности – так называемой номадической самости, которая, двигаясь по свободным траекториям, постоянно находится в процессе становления. Все это оборачивается отсутствием целостных представлений о человеке, пониманием его как множественного, релятивного, неустойчивого

индивида, а среды его обитания как симбиотического пространства, в котором различные субъекты или системы сосуществуют в парадигме горизонтального взаимодействия, превращая само пространство в ризоматический искусственный объект. Подобное состояние, характерное для антропологии, эстетики, других гуманитарных наук не может не осознаваться как кризисное, требующего определённого разрешения.

Во **второй главе** ««Трансгуманистические модели коммуникации в арт-практиках и медиапроектах» на примерах конкретных художественных и медийных проектов выявляются основные модели коммуникации, соответствующие проблематике трансгуманизма; прослеживаются общие векторы в понимании целей и задач трансчеловеческих коммуникаций в таких видах современного искусства как био-арт, сайнс-арт, трансгенное искусство, трансгуманистическое искусство, телематическое и роботизированное искусство. Здесь исследуются человеко-машинные взаимодействия и коммуникация с био-изменёнными телами, влияние удалённых коммуникаций и нейрокомпьютерных технологий, а также робото-человеческие коммуникации в контексте идеи «технической сингулярности». Сама реальная сфера коммуникации становится неотъемлемой частью художественных проектов и художники активно осваивают новую роль – «специалиста по коммуникации». Автор использует понятие «субъективность киборга» С. 43, что в известной степени служит дескриптивным признаком сторонников трансгуманизма, однако резонно отмечает, что «можно усомниться в обоснованности надежд некоторых трансгуманистов в возможности отказа от субъективности человеческого “я”...» С. 44.

В **третьей главе** «Телесно-воплощённые взаимодействия в интерактивных арт-проектах как модель “постчеловеческой” коммуникации» продолжается репрезентация данного вида коммуникаций. Внимание концентрируется на содержании этого класса арт-проектов – на переходе от репрезентации к перформативности и физической активности, актантности как основополагающему принципу постчеловеческой коммуникации. Автор делает акцент на выявлении специфики телесно-воплощённых взаимодействий и их философско-теоретического осмысления. Исследуются кайротический тип коммуникации и обращение к концепции автопоззиса, дискурсивная телесность и визуализация телесной активности, нейроимплантаты и робото-человеческие коммуникации, «машинные» и «человеко-машинные» коммуникации. Арт-проекты ориентированы на достижение эффекта содетерминированности «переживания» между артефактом и зрителем, которые «позволяют пережить опыт телесного вовлечения в процессы формирования этих систем, сохраняя при этом за человеком достаточную долю автономии, чтобы он мог оставаться чувствующим, думающим и действующим» С. 311.

В **четвертой главе** рассматривается реализация неоматериалистической методологии, методологии ООО и спекулятивного реализма в современном постдраматическом театре, в инсталляциях «глубоких медиа» и видеоиграх, а также в отдельных арт-проектах. Материалистический подход предполагает осознание человеком своей причастности к «открытию» и непрерывному становлению мира вокруг себя. Постчеловеческие коммуникации реализуются через стратегии «освобождения» вещей и сценических объектов, которые во взаимодействии с актёрами и зрителями-участниками формируют «составные тела» и пространства эмерджентного становления. Концепция «постчеловека» здесь отходит от понимания человеческого как естественного, вместо этого рассматривая человека как материал, конструкцию, средство С. 373. Реализуя «творческие» процессы, партиципанта включают в них и дают ему возможность испытать эти процессы, поощряя следить за непредвиденным развитием событий и получать чувственный опыт.

В пятой главе исследуются «более-чем-человеческие» коммуникации с опорой на теорию аффекта и на различные версии энвайронментальных теорий экокритицизма и экофеминизма. Вывод пятой главы: аффективные режимы взаимодействия между людьми и объектами окружающего мира позволяет человеку выходить за рамки своей субъектности, организовывать потоки материи-энергии и таким образом превращать каждое индивидуальное восприятие в совместное «более-чем-человеческое» восприятие. Так же они позволяют увидеть и прочувствовать мир, включающий деятельность множества биологических и небιологических Других, прийти к осознанию, что в условиях гибридных сред люди не уникальны и не исключительны, находясь в неразрывных аффективно-коммуникативных взаимоотношениях со всей совокупностью технологических и природных актантов.

В **Заключении** подводятся итоги исследования.

Отдавая должное теоретической значимости, масштабности проделанной работы, вместе с тем хотелось бы высказать некоторые замечания и пожелания, задать вопросы:

1) Представленный в диссертации обзор разнообразных теорий коммуникации создает впечатление об универсальном характере коммуникативности. Действительно, в диссертации рассмотрены положения, по которым не только люди, но и прочие живые существа, в том числе бактерии, а также технические устройства, статичные макро- и микроэлементы планеты Земля «коммуницируют», поскольку взаимодействуют в физическом, биологическом или историческом плане. Образно представить подобный вывод можно, несколько изменив знаменитую фразу из монолога философа Жака (пьеса «Как вам это понравится» В. Шекспира) «Весь мир – коммуникация, а люди в нем – актанты». Поскольку критики данной позиции в диссертации нет, то возникает вопрос: можно ли сделать вывод, что автор разделяет взгляд об «универсальности» применения категории «коммуникация», как и самого феномена в плане ее/его безграничности?

2) В работе наблюдается смешение категориальных уровней: эстетические репрезентации принимаются за онтологические доказательства. Автор утверждает исходные позиции аналитической работы: «основные понятия и дискурсы трансгуманизма анализируются на примерах конкретных художественных и медийных проектов» С. 178. В дальнейшем, однако, он экстраполирует художественные образы искусства на объективную реальность, видимо, полагая, что «Мышление и действие равноценны» С. 174, чем допускает серьезную методологическую ошибку, о чем свидетельствует следующая аргументация: «Коммуникативный опыт здесь – это опыт реальной материальной трансформации окружающей действительности.» С. 174; «люди смогут думать друг с другом с помощью имплантатов» С. 225-226; «коммуникационные модели показывают как познание и сознание распределены по всему телу, технологиям и окружающей среде» С. 319; «Постчеловеческие коммуникации преодолевают эпистемологические ограничения гуманизма...» С. 414; «новые модели коммуникации, предлагаемые трансчеловеческим дискурсом, обеспечивают человека такими возможностями» С. 199-200 и др.

Попытки автора выстроить «доказательную базу» реальных жизненных процессов и обосновать реальные социокультурные трансформации посредством феноменов искусства переводит исследование из плоскости строгого академического дискурса в гипотетический нарратив. Например, если говорить о «био-кибернетических формах существования и социальной организации» С. 179, то для перехода био-кибернетического социума из разряда гипотетического «фэнтези» в разряд реальности, необходимо преодолеть: физический тупик (термодинамический предел и закон Ландауэра); математический тупик (парадокс сложности и теорема Гёделя); системный тупик (закон возрастания энтропии - шум и деградация данных);

биологический тупик (непереносимость нелинейных систем). Одно дело теория, например, теория Ж. Симондона, где «аутопоэтические системы устраняют иерархию различий между биологическим и механическим, человеческим и искусственным» С. 313, другое – реальность. «Доказательная» база искусства не выдерживает критики, достаточно сослаться в этой связи на эффект кинематографа – например, на фильмы или сериалы типа «Терминатор», «Звездные войны» или «Игра престолов», где летают драконы и оживают мертвецы. А биоэксперименты в этом направлении, действительно, идут в различных странах, другое дело, что понимать под достижением «уровня прямой нейронной связи между людьми» С. 225 (пример проекта британского кибернетика К. Уорвика (K. Warwick) в 2002 году).

3) Идея постчеловеческого будущего как неизбежной перспективы активно выдвигается теоретиками трансгуманизма и постгуманизма (Э. Мартин) – и не только выдвигается, но и активно продвигается. Можно отметить только некоторые позиции, обозначенные в диссертации: М. Николеллис, профессор: «телепатия в течение нескольких ближайших десятилетий может быть реализована» С. 222; футуролог Р. Курцвейл: «сингулярность близка» С. 226; М. Хорост, технобиоактивист с кохлеарным имплантатом, строит сложный мысленный эксперимент о возможном (техногенном – М.К.) будущем человечества С. 224. И автор поддерживает данный вектор, предполагая, что: «новая высокотехнологичная эпоха в перспективе предлагает переход к био-кибернетическим формам существования и социальной организации...» С. 179. Однако, как отмечают специалисты, идея постчеловеческого будущего чревата опасными последствиями – аннигиляцией смысла и ценности бытия, то есть уничтожением человеческого мира – этот сценарий в критической литературе метафорически маркируется как «ночной кошмар постгуманизма» (Д. Чалмерс). Принимает ли соискатель во внимание данное мнение, тем более что био-кибернетическое будущее подвергается жесткой критике с разных позиций: это философская и политическая, социальная, технологическая и экологическая критика? Будущее, однако, индетерминировано: в физике это доказано исследованиями в квантовой механике, а со стороны философской рецепции доказательства подробно рассмотрены у М. Мерло-Понти и у Ж.-П. Сартра. Рассматривается ли эта индетерминанта или же все ограничивается тезисом, что «для современного человека встречи с мутантами в реальной жизни пока не стали привычными» С. 56?

4) Не подвергая сомнению фундаментальный статус постгуманизма в западной философии, как и право соискателя на выбор позиции в научной дискуссии, в качестве рекомендации можно было бы предложить автору обратить внимание на жесткое сопротивление пост и трансгуманизму вкупе с примыкающими к ним теориями со стороны масштабного, интеллектуально зрелого и очень жесткого оппозиционного фронта, объединяющего мыслителей из совершенно разных лагерей. В фундаментальном кризисе самоопределения цивилизации, то есть в борьбе за то, кто и как будет определять ее развитие в XXI веке, они консолидировано выступают в споре за разрешение главного вопроса «Что такое человек XXI века?» Пресуппозиция автора, прослеживаемая в тексте, позволила ему сделать вывод, лишенный должной верификации: «Рассуждение о постчеловеческом как нечеловеческом или античеловеческом обнаруживает теоретическую несостоятельность и опровергнуто реальными коммуникативными практиками» С. 418. Возникают вопросы: «теоретическая несостоятельность» заключается в чем? – для верифицированного ответа необходимо подробно разбирать позиции сторон, не ограничиваясь кратким, в трех абзацах, упоминанием суждения только Ж. Бодрийера и Ф. Фукуямы. «Опровергнуто реальными коммуникативными практиками» – это практики искусства? – смешение категориальных

уровней, при котором эстетические репрезентации принимаются за онтологические доказательства, рассмотрено в пункте 2).

5) Следующее возражение относится к некоторым терминам, используемым в работе, а именно, к употреблению предикатов «нечеловеческое» и «художественное». Отнюдь не предлагая автору «мыслить по-русски» (хотя подобный призыв уже звучал в текстах отечественных научных работ, содержащих критику пост и трансгуманизма), хотелось бы видеть более внимательное отношение автора к нюансам отечественной лексики, как и к эстетической терминологии.

«Художественный» — этот детерминатив определяет то, что относится к искусству. В современных условиях искусство оказывается мощной экспериментальной площадкой, апеллирующей к либеральной парадигме ценностного релятивизма. Оно используется, в том числе, для демонстрации тотального плюрализма арт-практик, свободных от каких-либо этических или антропологических конвенций. В диссертации соискатель приводит примеры арт-проектов, которые относятся к категории шок-арта (shock art) или трансгрессивного искусства и подразумевают намеренное преодоление психологических, этических или социальных табу ради вызова эмоциональной реакции. К ним можно отнести: арт-проект П. Пиччинини, которая демонстрирует наполовину человеческие, наполовину собакоподобные существа и «пытается приучить зрителя к результатам «достижений» генетического прогресса»; аналогичный проект Д. Ли с наполовину козлиным и наполовину человеческим существом С. 234-235; далее – проекты, где «человек и робот были присоединены напрямую друг к другу через внутривенную иглу» С. 247, где «бактерия, вызывающая туберкулёз представлена для человеческого наслаждения» (А. Думитриу) С. 369; проект Орлан, которая «проводит косметические операции на своём собственном лице» и «наслаждается тем фактом, что может наблюдать, как её тело разрезают» С.227- 230 (ситуация мазохизма). Сюда же могут быть отнесены бытовые процедуры, а также перформансы, принадлежащие эстетике абсурда: «Э. Инк покрывает тело татуировками» С. 227, что интерпретируется как «самокоммуникация с собственным телом» С. 229; К. Ринальдов в инсталляции демонстрирует «нейрогастроэнтерологическую имитацию работы желудочно-кишечного тракта человека» С. 313-314; Э. Кац в «художественных проектах-биопоэмах» встраивает части собственной ДНК в петунью С. 233; а в спектакле Д.-В. Кребса «Бальтазар» осла «вовлекают» в коллективное действие как доказательство нематериалистических тенденций С. 330-334. Эти феномены деструктивной эстетики рассматриваются в работе как «художественные» произведения искусства, однако их принадлежность к эстетике безобразного (эстетике абсурда) требует соответствующего лексического словаря – например, замены термина «художественный», «произведение искусства» на более адекватные термины «концептуальный/трансгрессивный жест» или же «арт-объект/проект».

Обращает на себя внимание также предикат «нечеловеческое» (С. 30, 44, 200, 357. 375 и др.). Он вызывает эффект отторжения как оттенок, выражающий прямой негатив: в отличие от XX века, где главным понятием зла было слово «бесчеловечный», в XXI веке на передний план выходит именно «нечеловеческий». В современном философском контексте коннотация слова «нечеловеческий» претерпела радикальный сдвиг: из биологического описания она перешла в категорию пугающей и деструктивной оценки, стало ключевым маркером экзистенциальной тревоги. Это угроза не этического, а онтологического характера, поскольку чаще всего она используется для описания чего-то бездушного, пугающего, зловещего. Термин воспринимается как прямая противоположность человечности, он почти всегда является негативным, опасным. Возможно ли чем-то его заменить?

Высказанные замечания носят преимущественно рекомендательный характер и не отменяют общей положительной оценки рецензируемой работы, которая представляет собой самостоятельное, завершённое исследование актуального проблемного поля.

Подводя итоги, к теоретическим достижениям данной работы можно отнести следующие:

- 1) Осуществлено концептуальное введение феномена постчеловеческих коммуникаций в современный гуманитарный дискурс;
- 2) Поставлен вопрос о легитимации постгуманистической коммуникативистики как исследовательском направлении в структуре гуманитарного знания;
- 3) Произведен сбор, типологизация и комплексный анализ постгуманистических моделей коммуникации в актуальных художественных и медийных практиках;
- 4) Проведен философско-культурологический анализ феномена аффекта в контексте постгуманистических коммуникативных практик;
- 5) Введен в научный оборот корпус англоязычных теоретических материалов, посвященных коммуникативной теории и практике, ранее не переводившихся на русский язык.

Представленный автореферат и научные публикации полностью соответствуют содержанию диссертации.

Таким образом, проведенный анализ позволяет утверждать, что диссертация Деникина Антона Анатольевича на тему «"ПОСТЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ" КОММУНИКАЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ И МЕДИЙНЫХ ПРАКТИКАХ» представляет собой самостоятельное, законченное исследование актуальной проблемы, характеризуется научной новизной, теоретической и практической значимостью и соответствует требованиям пп. 9–14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства РФ 24.09.2013 г. № 842 в действующей редакции, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени доктора наук, а автор исследования Деникин Антон Анатольевич заслуживает присуждения ученой степени доктора культурологии по специальности 5.10.1. — Теория и история культуры, искусства (культурология)

Официальный оппонент:

Президент Автономной некоммерческой
организации развития культурных, оздоровительных
и туристических проектов «Лига культуры, здоровья, туризма»,
доктор философских наук, кандидат экономических наук,
профессор

Мария Ивановна Козьякова

15 сентября 2026 г.

Адрес: 121609, г. Москва, Осенний б-р, д. 15, п. 9

Телефон служебный: +7(916)347-79-73

E-mail: markoz@yandex.ru

Подпись Козьяковой М. И. удостоверяю

Генеральный директор АНО «Лига культуры, здоровья, туризма»

Севрюкова Г. А.

